

УДК 882

Д. В. Долгушин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

d_dolgushin@mail.ru

**ТЕМА ПАЛЕСТИНЫ В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ
В. А. ЖУКОВСКОГО И Н. В. ГОГОЛЯ ***

Сходство жизненного, духовного и литературного пути В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя, дружеское сближение между ними предопределило синхронность их интереса к теме Палестины. Она оказалась в центре их творческого общения в 1850 г., когда Жуковский просил Гоголя, побывавшего в Святой земле в 1848 г., поделиться «локальными красками Палестины». Интерес Жуковского к теме Палестины был связан с его работой над Живописной священной историей и с замыслом поэмы «Странствующий жид». Интерес Гоголя был духовно-аскетическим: он надеялся, что паломничество в Иерусалим преобразит его внутренне. Однако это внутренне преображение было нужно Гоголю, чтобы выполнить художественную задачу – закончить поэму «Мертвые души». Жуковский же, решая художественную задачу, имел в виду цель духовно-аскетическую: поэма «Странствующий жид» должна была стать подведением итогов его духовного пути, своего рода внутренней автобиографией. Таким образом, Гоголь и Жуковский находились по отношению к «палестинской теме» в «инверсивном» положении. Подобным же образом соотносятся и их поэмы – «Странствующий жид» и «Мертвые души». И та, и другая поэмы автобиографичны. Но если автобиографичность «Странствующего жида» ретроспективна (автор рассказывает о уже пройденном им пути), то автобиографичность «Мертвых душ» перспективна: автор пытается пройти определенный жизненный путь вместе со своим героем.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, Палестина, романтизм, Библия.

Жуковский и Гоголь познакомились в начале 1830 г., когда молодой, никому еще неизвестный Гоголь «впервые предстал перед Жуковским, достав от кого-то рекомендательное письмо к нему» [Переписка Н. В. Гоголя, 1988. С. 148]. Гоголь был младше знаменитого поэта на 26 лет. Примерно столько же (22 года) продлилось их знакомство, переросшее в близкую дружбу. Отношения начинающего писателя и маститого поэта складывались сначала как отношения «литературного наставничества», подобного тому, которое связывало Жуковского, например, с молодым Пушкиным. Жуковский был для Гоголя безусловным авторитетом в литературе. Недаром в одном из первых писем к нему (написанном в подчеркнуто «арзамасском» эпистолярном стиле) Гоголь называет его «Ваше поэтическое превосходительство». Гоголь дорожил критическими замечаниями Жуковского на свои произведения, абсолютно доверял его эстетическому чутью. Степень этого доверия прекрасно демонстрирует случай с драмой из украинской истории, написанной Гоголем в 1841 г. «Читал он мне ее во Франкфурте, – рассказывал Жуковский Ф. В. Чижову. – Сначала я слушал; сильно было скучно; потом решительно не мог удержаться и задремал. Когда Гоголь кончил и спросил, как я нахожу, я говорю: “Ну, брат Николай Васильевич, прости, мне сильно спать захотелось”. – “А когда спать захо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-64-01001). Совместный конкурс научных проектов РГНФ – Императорское Православное Палестинское Общество 2015 года.

Долгушин Д. В. Тема Палестины в творческом диалоге В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 2: Филология. С. 140–145.

телось, тогда можно и сжечь ее», – отвечал он, и тут же бросил в камин. Я говорю: “И хорошо, брат, сделал”» [Гиппиус, 1999. С. 208].

Но не только литературными советами Жуковского пользовался Гоголь. Поэт неоднократно помогал ему в житейских невзгодах и затруднениях. Используя свои связи в обществе и при дворе, Жуковский способствовал получению Гоголем кафедры всеобщей истории в Санкт-Петербургском университете, исходатайствовал для него денежное пособие от императора в 1837 г., сам неоднократно помогал ему материально. «Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною», – так благодарил Гоголь своего старшего друга 30 октября 1837 г. [Переписка Н. В. Гоголя, 1988. С. 161].

В 1840-е гг. Жуковский и Гоголь особенно сближаются. «Вы» в их переписке постепенно сменяется на «ты», она избавляется от налета литературности, свойственного некоторым письмам Гоголя 1830-х гг., приобретает характер доверительности и, подчас, исповедальности. В 1840-е гг. Жуковский и Гоголь не просто «общаются на равных», они становятся духовными друзьями. «Брат мой прекрасный» – так называет Гоголь Жуковского, Жуковский в свою очередь считал Гоголя «одним из самых симпатических участников» своей поэтической жизни.

Такое сближение было вызвано не только литературными или житейскими обстоятельствами. Оно объясняется прежде всего сходством духовных исканий. И для Жуковского, и для Гоголя в сороковые годы наступила «минута христианства» [Письма В. А. Жуковского..., 1895. С. 293]. В 1841–1846 гг. Гоголь неоднократно гостил у Жуковского в Эмсе, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Швальбахе [Жуковский, 2004. С. 262–285; Гоголь, 2009. Т. 16. С. 384–570; Ланской, Сергиевский, 1952. С. 690]. Во время этих приездов они обсуждали не только литературные, но и религиозные темы, читали вместе духовные книги¹ и Библию. Именно этими совместными штудиями библейских текстов можно объяснить их одновременное обращение в 1846–1847 гг. к 17-й главе книги Премудрости Соломоновой: Жуковский сделал ее стихотворное (в повести «Египетская тьма»), а Гоголь – прозаическое (в 26-й главе «Выбранных мест из переписки с друзьями») переложение [Жуковский, 2009. С. 534]. Перевод Гоголем другого библейского «премудростного» текста – цитаты из книги Иисуса, сына Сирахова в 4-й главе «Выбранных мест...», также побуждает предположить влияние встреч с Жуковским [Долгушин, 2016].

Религиозно-философская проза Жуковского и Гоголя 1840-х гг. не только близка идейно (об этом писал еще Д. И. Чижевский [1996]), но и связана генетически, можно сказать, что она родилась непосредственно из их общения. Именно во франкфуртском доме Жуковского Гоголь осенью 1846 г. заканчивал работу над «Выбранными местами...». Не случайно две важнейшие главы «Выбранных мест...» («О лиризме наших поэтов» и «Просвещение») написаны в форме писем Жуковскому. Книга Гоголя была фактически его репликой в творческом диалоге с первым русским романтиком. В свою очередь Жуковский сочувственно и очень заинтересованно отнесся к ней. «Выбранные места...» вышли из печати в самом начале января 1847 г., а уже 6/18 февраля 1847 г. он сообщал Гоголю, что прочитал его книгу (экземпляр «Выбранных мест...» поэт получил от П. А. Плетнева, переславшего его через графиню М. Д. Нессельроде (см.: [Сочинения и переписка П. А. Плетнева, 1885. С. 580]). В отличие от большинства современников Жуковский достаточно высоко оценил творение своего друга и полагал, что «эта книга должна произвести и произведет сильное и благотворное действие» [Переписка Н. В. Гоголя, 1988. С. 201]. У Жуковского возникло желание откликнуться на нее: он решил «медленно» перечитывать «Выбранные места...» и «по мере чтения <...> присылать к автору все, что придет в голову о его мыслях или по поводу его мыслей» [Там же]. Жуковский планировал, что «эта переписка может также составить книгу», для которой даже придумал название – «Отрывки из писем к Гоголю, писанных к нему о его книге» [Там же. С. 216].

¹ Например, во время совместных говений великим постом 1844 и 1845 гг. (см. записи в дневнике Жуковского от 11 (23) – 13 (25) апреля 1845 г. [Жуковский, 2004. С. 284]).

К осуществлению этого замысла Жуковский приступил 20 февраля (4 марта) 1847 г., отправив Гоголю письмо, наполненное религиозно-философскими рассуждениями о смерти [Переписка Н. В. Гоголя, 1988. С. 205–208]. «Этим отрывком, который в следующем письме составит целое, начинается моя с тобой переписка по поводу избранных мест из твоих писем» [Там же. С. 208], – пояснял он адресату. Позже, в 1848 г., Жуковский написал еще два подобных отрывка в виде писем к Гоголю – статьи «О молитве» и «Слова поэта – дела поэта» («О поэте и современном его значении»). Вместе со статьей «О смерти» они составили цикл «Письма к Гоголю» – один из лучших образцов религиозно-философской прозы Жуковского.

Таким образом, мы видим, что 1840-е гг. были для Жуковского и Гоголя эпохой интенсивного творческого общения, сосредоточенного на религиозных сюжетах. В 1850 г. в нем появляется тема Палестины.

Жуковского она интересовала в связи с двумя его замыслами. Первый – разработка «полного курса домашнего, систематического учения» для маленьких детей, составной частью которого должна была стать Живописная священная история. Трудясь над ней, поэт собрал и изучил множество изданий по библейской истории и географии, подготовил множество хронологических схем, карт Палестины и других упоминающихся в Библии стран Древнего мира, подобрал иллюстрации². Пик его интереса к этой работе пришелся как раз на 1850–1851 гг., и хотя она не была доведена до конца из-за ослабевшего здоровья, занимаясь ей, Жуковский превратился в незаурядного знатока истории и географии Палестины.

Второй его проект тех же лет – поэма «Странствующий жид». Замысел ее возник у Жуковского уже давно, но к его осуществлению он приступил лишь в 1850 г. В основу сюжета поэмы была положена средневековая легенда об Агасфере. Основные события поэмы должны были разворачиваться в Иерусалиме и других местах Палестины. По сути, поэма была задумана как исповедь стареющего поэта, как его духовная автобиография. По словам Гоголя, которого Жуковский посвятил в свой замысел, поэма должна была стать «внутренней историей собственной души» [Гоголь, 2009. Т. 15. С. 306] ее автора. История Агасфера, совершившего грех, но затем обретшего покаяние, примирившегося с Богом и нашедшего внутренний покой в смиренном принятии Божьей воли, ощущалась Жуковским как история его самого.

В то же время он хотел сделать свою поэму библейской и исторической, наполнив ее местными красками и атмосферой эпохи. С этой целью поэт вставляет в ее текст стихотворные переложения фрагментов из Посланий апостола Павла, книги Иова, Апокалипсиса, Посланий Игнатий Богоносца и даже из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. С этой же целью Жуковский обращается к Гоголю, побывавшему в Святой земле в 1848 г.: «Мне нужны локальные краски Палестины. Ты ее видел, и видел глазами христианина и поэта. Передай мне свои видения; опиши мне просто (как путешественник, возвратившийся к своим домашним и им рассказывающий, что, где с ним было) то, что ты видел в Святой Земле; я бы желал иметь перед глазами живописную сторону Иерусалима, долины Иосафатовой, Элеонской горы, Вифлеема, Мертвого моря, Пустыни искушения, Фавора, Кармила, Степи, Тивериадского озера, долины Иорданской – все это, вероятно, ты видел; набросай мне несколько живых картин без всякого плана, как вспомнится, как напишется, мне это будет несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я уверен, что к собственным моим мыслям прибавится много новых, которые выскочат, как искры, от удара моей фантазии об твою» [Там же. С. 297].

Вряд ли Жуковский испытывал недостаток в географических сведениях о перечисленных им местах Палестины. Как уже говорилось выше, он был начитан в подобного рода тематике. Однако для него были важны впечатления именно Гоголя, который в некотором отношении был *alter ego* Жуковского, и глаза которого он мог считать своими глазами.

Гоголя просьба друга застала врасплох. Тему Палестины он воспринимал в другом ракурсе – не столько художественном, сколько аскетическом. Замысел путешествия в Святую землю овладел им в 1842 г., когда он получил на эту поездку благословение знаменитого духовного

² См., например: РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 131 (Таблицы по Священной истории).

писателя епископа Иннокентия (Борисова) [Воропаев, 2008. С. 117–118]. Однако Гоголь долго не осмеливался приступить к его осуществлению. Путешествие в Палестину воспринималось им не как простая поездка, даже не как паломничество, а как «покаянье». Он рассчитывал, что поклонение совершенно обновит, преобразит его: «у Гроба Господня укреплюсь и духом, и телом, да и может ли быть иначе?» [Гоголь, 2009. Т. 14. С. 231]. «Хотелось бы мне, чтобы со дня этого поклоненья моего понес бы я повсюду Образ Христа в сердце моем, имея ежеминутно Его пред мысленными глазами своими» [Там же. С. 445]. Иногда писателя начинали мучить сомнения, «не будет ли оскорблением святых мой приезд и поклоненье мое?» [Там же. С. 466]. Он ищет себе спутника в поездку не столько потому, что боится тягот пути, сколько потому что ему необходимо «товарищество близких сердцу душ»: «Я не так крепок и душой и телом, я не так живу в Боге, чтобы обойтись без помощи людей, и мне братская помощь человека еще более нужна в этом путешествии, которое для меня есть важнейшее из событий моей жизни» [Там же. С. 196].

Приехав в Палестину, Гоголь чувствует себя, «как во сне». Ему почти нечего рассказать Жуковскому о своих впечатлениях, кроме самых житейских, потому что он был весь поглощен внутренним впечатлением, правда невеселым: «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, – и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно бы во мне сгореть и остаться одно небесное» [Там же. Т. 15. С. 304].

Таким образом, мы видим, что подход Жуковского и Гоголя к «палестинской» тематике был диаметрально противоположным. Жуковский испытывал к ней художественный, а Гоголь – духовно-аскетический интерес. Но за этой разницей скрывается сходство. Ведь, ставя перед собой художественную задачу написания поэмы «Странствующий жид», Жуковский имел в виду духовно-аскетическую цель: подведение религиозного итога своей жизни. Гоголь же, ставя перед собой аскетическую задачу покаяния, имел в виду художественную цель: написание поэмы «Мертвые души». Еще с 1842 г. Гоголь утвердился в мысли, что причина затруднения в работе над этой поэмой состоит в том, что он сам не прошел пути исправления и покаяния, который предстоит пройти ее героям во втором и третьем томах: «Чище горного снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования», – писал он Жуковскому 26 июня 1842 г. [Там же. Т. 12. С. 55]. С тех пор судьба поэмы в сознании Гоголя была связана с его нравственным совершенствованием. Если вспомнить, что судьба поэмы связывалась Гоголем и с судьбой России (Россия должна была преобразиться вместе с преображением героев «Мертвых душ»), получается, что от нравственного совершенствования Гоголя зависела судьба всей страны. Поскольку центральным событием его нравственного совершенствования должна была стать поездка в Иерусалим, понятно особенно трепетное и взволнованное к ней отношение.

Поэмы Гоголя и Жуковского симметричны. Чичиков, как и Агасфер, странствует; как и Агасфер, он должен был во втором томе поэмы испытать потрясения, а в третьем томе прийти к покаянию. И та, и другая поэмы автобиографичны, но автобиографичны по-разному. Автобиографичность «Странствующего жида» ретроспективна (автор рассказывает о уже пройденном им пути), автобиографичность «Мертвых душ» перспективна: автор пытается пройти определенный жизненный путь вместе со своим героем. Если же использовать в качестве точки отсчета тему Палестины, то окажется, что замыслы Жуковского и Гоголя инверсивны. Жуковский, разрабатывая ее, переходит от эстетической к аскетической проблематике, а Гоголь наоборот:

Жуковский *Гоголь*
 аскетика ← эстетика ← Палестина → аскетика → эстетика

Список литературы

- Воропаев В. А.* Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М.: Паломник, 2008. 318 с.
- Гинпиус В.* Гоголь. М.: Аграф, 1999. 464 с.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. 816 с.
- Долгушин Д. В.* В каком переводе цитирует Библию Н. В. Гоголь? // *Universum humanitarium*. 2016. № 1. С. 142–149.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 4: Стихотворные повести и сказки. 636 с.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 768 с.
- Ланской Л., Сергиевский И.* Гоголь в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 533–772.
- Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М.: Худож. лит., 1988. Т. 1. 479 с.
- Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу. М., 1895. 322 с.
- Смирнова Е. А.* Жуковский и Гоголь (к вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 244–260.
- Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. 746 с.
- Чижевский Д. И.* Неизвестный Гоголь // Русские философы. Конец XIX – середина XX века. М.: Книжная палата, 1996. С. 296–324.

Материал поступил в редколлегию 20.12.2016

D. V. Dolgushin

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

d_dolgushin@mail.ru

THE PALESTINE'S THEME IN THE CREATIVE DIALOGUE BETWEEN V. A. ZHUKOVSKY AND N. V. GOGOL

A creative dialogue between V. A. Zhukovsky and N. V. Gogol began in the first half of the 1830s, and became especially intensive in the 1840s, when it was focused around religious and philosophical issues. At that time, Zhukovsky and Gogol were creating transcriptions of biblical texts and writing religious and philosophical prose. The theme of Palestine had taken a special place in their creative dialogue.

The theme of Palestine was at the center of their creative communication in 1850, when Zhukovsky had asked Gogol, who visited the Holy land in 1848, to share «local colors of Palestine». The interest of Zhukovsky to the theme of Palestine was associated with his work over the Picturesque sacred history – part of his intended course for original home schooling for young children. During this work the poet had collected and studied numerous publications on biblical history and geography and had prepared many chronological schemes, maps of Palestine and so on. The interest of Zhukovsky in the theme of Palestine was linked with the idea of the poem «Wandering Jew».

Gogol's interest to the theme of Palestine was spiritual-ascetic: he hoped the pilgrimage to Jerusalem would transform him internally. This inner transformation was needed by Gogol in order to fulfill his artistic challenge – the finishing of the poem «Dead Souls». Even since 1842 Gogol clearly

understood that the reason for the difficulty in working on this poem was that he had not walked the way of repentance and reformation, which should be taken by the characters of the poem in the second and third volumes. Since then, the fate of the poem in the mind of Gogol dealt with his moral perfection. And insofar as the fate of the poem, according to the thoughts of Gogol, was connected with the fate of Russia (Russia had to be transformed along with the transformation of the heroes of «Dead Souls»), it turned out that the fate of the entire country depended on Gogol's moral perfection. Since the trip to Jerusalem was to be the central event of his moral betterment, we can understand his especially anxious and excited attitude towards this trip.

Gogol, solving his spiritual-ascetic task, had an artistic purpose; Zhukovsky, on the contrary, solving the artistic challenge, was referring to the aim of spiritual-ascetic: the poem «Wandering Jew» was supposed to be summarizing his spiritual path, a kind of internal autobiography.

Thus Gogol and Zhukovsky were in «inverse» position to the «Palestinian subject» and so do their poems «Wandering Jew» and «Dead Souls». Both poems are autobiographical. The autobiographical character of the «Wandering Jew» is retrospective (the author tells us about the already trodden path), the autobiographical character of «Dead Souls» is perspective: the author is trying to walk a certain way of life together with his hero.

Keywords: V. A. Zhukovsky, N. V. Gogol, Palestine, romanticism, Bible.

References

- Voropaev V. A. Nikolay Gogol. Opyt duhovnoy biografii [Nikolay Gogol: Essay of Spiritual Biography], Moscow, Palomnik Publ., 2008, 318 p. (In Russ.)
- Gippius V. Gogol [Gogol], Moscow, Agraf Publ., 1999, 464 p. (In Russ.)
- Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 17-ti tomakh [Complete Works in 17 Volumes]. I. A. Vinogradov, V. A. Voropaev (eds.). Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 2009, 816 p. (In Russ.)
- Dolgushin D. V. What Bible translation does Gogol quote? *Universum humanitarium*, 2016, no. 1, p. 135–142. (In Russ.)
- Zhukovskii V. A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. T. 4: Stikhotvornye povesti i skazki [Complete Works in 20 Volumes. Vol. 4: Poems and Tales]. O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich (eds.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2009, 636 p. (In Russ.)
- Zhukovskiy V.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem. T. 14. Dnevnik. Pisma-dnevnik. Zapisnye knizhki. 1804–1833 [Complete Works in 20 Volumes. Vol. 14: Journals. Letters-Journals. Notebooks]. O. B. Lebedeva, A. S. Yanushkevich (eds.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury, 2004, 768 p. (In Russ.)
- Lanskoi L., Sergievskii I. Gogol v neizdannoi perepiske sovremennikov [Gogol in Unpublished Letters of His Contemporaries]. *Literaturnoe nasledstvo*. T. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol [Literary Heritage. Vol. 58: Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow, AS USSR, 1952, p. 533–772. (In Russ.)
- Perepiska N.V. Gogolya v dvuh tomah. T. 1. [Letters of Gogol in 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1988, 479 p. (In Russ.)
- Sochineniya i perepiska P. A. Pletneva. T. 3 [Works and Letters of P. A. Pletnev. Vol. 3]. St.-Petersburg, 1885, 746 p. (In Russ.)
- Chizhevskiy D.I. Neizvestnyi Gogol [Unknown Gogol]. *Russkie filosofy. Konets XIX – seredina XX veka* [Russians Philosophers of Late XIXth – middle XXth Centuries]. Moscow, Knizhnaya palata, 1996, p. 296–324. (In Russ.)